

номерной для средневековья религиозной оболочке накапливался опыт познания и изображения человека главным образом в одной, весьма существенной для этой эпохи жизненной ситуации: «земное» борется в душе человека с суровыми требованиями религии и монастырского устава. Но идейно-художественное значение житийного жанра в развитии древнерусской прозы не ограничивается тем, что этот жанр создал в разработке центральной темы, хотя, конечно, уменье проникнуть во внутренний мир человека, разглядеть борьбу противоречивых устремлений, показать ее читателю художественно убедительно, хотя и в обязательной условной оболочке (к «земному» тянет человека «враг», подсказывающий то, что запрещает религия), проявляется ярче всего именно в способе изображения главного героя. Для литературоведа ценно и то, как представляли агиографы окружающую «святого» обстановку, что увидели и как оценили они увиденное и в нем самом, и в людях, с которыми он общался. Из набросков портретов этих людей, из описания конкретной обстановки, в которой они выступают, вырисовываются черты повседневного быта, отнесенного в рассказе летописца большими историческими событиями. Жития вместе с сопровождающими их миниатюрами накапливали опыт и создания психологических портретов, и изображения деталей повседневного быта, которому так мало внимания уделяли господствовавшие до XVI в. жанры исторического повествования. Вот почему история древнерусской художественной прозы должна учитывать и достижения агиографии феодального периода в области изображения человеческого характера и бытописания.

Одна из актуальных задач, стоящих перед историей и теорией древнерусской литературы, заключается в накоплении наблюдений над теми элементами религиозных жанров, которые способствовали росту самого литературного мастерства, воспитывали интерес к проникновению во внутренний мир человека, к изображению его поведения не только в моменты совершения героических подвигов, но и в условиях будничной, повседневной жизни. Не следует ограничивать «литературный» вклад религиозных жанров их способами «идеального преобразования жизни», необходимо раскрыть и их уменье показать человека и жизнь правдиво и художественно убедительно.

1

«Киевский» период русской истории — XI—начало XII в. — в развитии всей русской культуры, в том числе и литературы, имеет особо важное значение. Это было время, когда начали складываться идейно-художественные основы литературного творчества древнерусской народности, получившие затем богатейшее развитие в литературах трех братских наций — русской (великорусской), украинской и белорусской, время, когда уже определились некоторые «стили», характерные для различных жанров. В ряде исследований последнего десятилетия выяснялся вопрос о способах изображения человека в этих «стилях», в группах литературных жанров, а среди них — в житийном жанре.

В статье И. П. Еремина «Киевская летопись как памятник литературы»⁶ дано определение характерных признаков русского агиографического стиля, сложившегося к XII в., и самого существа принятого в этом стиле способа изображения человека.

Каковы же признаки агиографического стиля XII в., выделяемые И. П. Ереминым? «Агиографически просветленный образ . . . блистающий

⁶ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949 (в дальнейшем: И. П. Еремин. Киевская летопись), стр. 82—97.